

Глава 1

*В которой я без сожаления пользуюсь
представившимся случаем и наконец рассказываю
о моем знакомстве с неким Симононом.*

Случилось это в 1927 или 1928 году. У меня плохая память на даты, и я не отношусь к тем людям, которые самым тщательным образом хранят письменные свидетельства всех своих дел и поступков — штука весьма распространенная в нашей профессии и, как показывает практика, крайне полезная, а для некоторых порой и прибыльная. Лишь совсем недавно я вспомнил о тетрадях, куда моя жена без моего ведома и даже украдкой клеивала газетные статьи, касающиеся моей персоны.

Я, без сомнения, даже мог бы указать точную дату — и все из-за одного дела, которое принесло нам в том году немало хлопот, но у меня не хватило мужества пролистывать все эти тетради.

Да какая разница! К тому же в отношении погоды мои воспоминания точны. Это случилось в один из дней поздней осени, один из бесцветных дней, выкрашенных только серой и белой краской, один из тех дней, которые я называю «канцелярскими», потому что создается впечатление, будто бы в столь тусклой и унылой атмосфере не может произойти ничего интересного; в конторе в такой день от скуки хочется вытащить на свет все документы, покончить с рапортами, давно валяющимися на столе, и быстро, хотя и без энтузиазма, разобраться с текущими делами.

Если я и настаиваю на этих серых тонах, лишенных объемности, то не потому, что питаю слабость к ярким цветам, а только затем, чтобы подчеркнуть, насколько будничным было это событие само по себе — событие, утонувшее в обыденных делах и поступках бесцветного дня.

Было около десяти часов утра. Совещание закончилось четверть часа тому назад: на этот раз оно оказалось коротким.

В наши дни даже малосведущая публика в общих чертах представляет, чему посвящены оперативные совещания в криминальной полиции, но в ту далекую пору большая часть парижан затруднилась бы ответить, какое ведомство расположено на набережной Орфевр.

Ровно в девять часов утра звонок приглашает всех руководителей различных служб проследовать к начальнику полиции, в его большой кабинет, окна которого выходят на Сену. В подобных собраниях нет ничего неординарного. Многие направляются туда, покуривая трубку или сигарету, зажав под мышкой те или иные документы. Рабочий день еще толком не начался, и потому каждый из присутствующих хранит едва уловимый аромат кофе с молоком и круассанов. Пожимаем друг другу руки. Неспешно беседуем, дожидаясь, пока все соберутся.

Затем каждый по очереди вводит патрона в курс дел, которые произошли в его секторе. Некоторые остаются стоять, иногда у окна, и смотрят на автобусы и такси, снующие по мосту Сен-Мишель.

Вопреки распространенному мнению речь идет не только о преступниках.

— Как здоровье вашей дочери, Приоле? Корь?

Я припоминаю, как однажды служащие полиции со знанием дела обсуждали всевозможные кулинарные рецепты.

Конечно, разговор касается и более серьезных проблем: например, глупостей, которые регулярно совершает сын депутата или министра, причем молодой человек продолжает их делать с явным удовольствием, и потому юнца необходимо срочно приструнить без лишнего шума. Или мы говорим о богатом иностранце, который недавно поселился в роскошном отеле на Елисейских Полях и чье присутствие несколько беспокоит правительство. Или о маленькой девочке, найденной несколькими днями ранее на улице, за которой пока не явился никто из родственников, хотя фотографии малышки опубликованы во всех газетах.

Все присутствующие в кабинете — профессионалы, и происхождения они рассматривают только с профессиональной точки зрения, обходясь без лишних слов, так что все сразу же выглядит крайне простым. Таковы наши будни.

— Ну что, Мегрэ, вы до сих пор не арестовали вашего поляка с улицы Бираг?

Я спешу заявить, что ничего не имею против поляков. И если мне приходится частенько упоминать о них, то вовсе не потому, что дело в некой жестокости или развращенности упомянутой нации. Причина в том, что именно в ту пору Франция, испытывающая нехватку рабочей силы, ввозила поляков тысячами и отправляла их на северные шахты. В Польше желающих уехать находили где придется, порой вербуя целые деревни — мужчин, женщин, детей, — и набивали ими поезда, как в былые времена набивали вагоны чернокожими трудягами.

Надо отметить, что большая часть поляков выполняет свою работу самым добросовестным образом и многие из них стали уважаемыми гражданами Франции. Но, как и следовало ожидать, среди них нашлась небольшая группа людей, которая время от времени доставляет хлопоты полиции.

Рассказывая обо всем этом, быть может, немного бессвязно, я пытаюсь погрузить читателей в атмосферу, царившую в нашем ведомстве в тот период.

— Я бы хотел, патрон, еще два или три дня последить за ним. Он до сих пор не вывел нас на своих сообщников. Но в конечном итоге, рано или поздно, это случится.

— Министр теряет терпение, и все из-за газетных статей...

Ох уж эти газеты! Высокопоставленные чиновники всегда страшатся газет и общественного мнения. Преступление еще толком не успело произойти, а от нас уже требуют, чтобы мы во что бы то ни стало нашли виновного.

Всего через несколько дней нам заявляют:

— Посадите за решетку кого угодно, неважно кого, а за это время общественный интерес к делу уляжется.

Возможно, к этой теме я вернусь позже. Впрочем, в то утро речь шла не о поляке; говорили о преступлении, совершенном абсолютно новым способом, — а подобные вещи случаются редко.

Три дня тому назад на бульваре Сен-Дени в самый полдень, когда большая часть магазинов закрывается на обед, напротив небольшой ювелирной лавки остановился грузовик. Какие-то люди выгрузили из него огромный ящик и положили прямо перед дверью магазинчика, после чего сели в грузовик и уехали.

Сотни парижан прошли мимо этого ящика, не обратив на него никакого внимания. Ювелир, вернувшись из ресторана, где он заморил червячка, нахмурил брови.

И когда владелец магазина отодвинул ящик, оказавшийся подозрительно легким, он заметил, что в его стенке, прилегающей к двери, прорезано отверстие. Точно такое же отверстие красовалось и в самой двери; разумеется, все витрины были разграблены, пропал и сейф.

Расследования подобного рода не приносят славы, но требуют долгих месяцев кропотливой работы и привлечения большого количества людей. Грабители не оставили никаких следов и ни единой компрометирующей улики.

Поскольку подобный метод оказался совершенно новым, было бесполезно использовать картотеку и искать среди той или иной категории злоумышленников.

Все, что у нас имелось, — это большой, ничем не примечательный ящик, и вот уже целых три дня добрая дюжина инспекторов посещала все мастерские, изготавливающие ящики, и, как оказалось, подобные изделия можно встретить в любой из них.

Итак, я вернулся в свой кабинет и начал составлять рапорт, когда прозвучал звонок внутреннего телефона.

— Это вы, Мегрэ? Не могли бы вы зайти ко мне на минутку?

В этом тоже не было ничего удивительного. Каждый день (или почти каждый день) патрон вызывал меня в кабинет, и отнюдь не всегда для того, чтобы обсудить дела; начальника полиции я знал с раннего детства, он частенько проводил отпуск рядом с нашим домом в Алье и был другом моего отца.

В моих глазах он всегда оставался «большим начальником» и настоящим патроном в полном смысле этого слова, ведь именно под его руководством я начинал службу в криминальной полиции, и он не то чтобы покровительствовал мне, но всегда внимательно и ненавязчиво наблюдал за моими успехами. И именно он, одетый во все черное, в неизменном котелке, в одиночестве направлялся под пули к дверям пустующего дома, который вот уже два дня удерживал Бонно и его банда, оказывая сопротивление полиции и жандармерии.

Я говорю о Ксавье Гишаре, человеке с насмешливым взглядом и длинными седыми волосами, как у поэта.

— Войдите, Мегрэ.

В то утро дневной свет был настолько тусклым, что на столе патрона горела лампа под зеленым абажуром. Войдя, я увидел молодого человека, сидящего в кресле у стола; при моем появлении он поднялся и протянул мне руку, когда нас представили друг другу.

— Комиссар Мегрэ. Месье Жорж Сим, журналист...

— Не журналист, а романист, — улыбаясь, возразил молодой человек.

Ксавье Гишар тоже улыбнулся. Мой начальник имел в запасе палитру самых разнообразных улыбок, отражающих все оттенки его настроения и мыслей. Также Гишар обладал изрядной долей иронии, но понимали ее лишь те, кто действительно знал патрона; другие же порой принимали его за весьма наивного человека.

Патрон заговорил со мной со всей серьезностью, как если бы речь шла о крайне важном деле или об очень значительной персоне.

— Месье Симу необходимо ознакомиться с работой криминальной полиции, ему это нужно для написания романов. Как он мне только что рассказал, большая часть человеческих драм разыгрывается именно в этом здании. Он также объяснил, что ему не столь важны детали механизма расследования — эти подробности он уже смог почерпнуть из документов, — как желательно знать все о той обстановке, в которой проходят операции.

Я лишь изредка поглядывал на молодого человека. Ему было около двадцати четырех лет, худой, волосы почти такие же длинные, как у патрона; но главное, что я мог о нем сказать, — ему чужды сомнения, и прежде всего он не сомневается в самом себе.

— Я полагаю, что вы согласитесь показать гостю наше скромное учреждение, Мегрэ?

Уже направляясь к двери, я услышал, как вышеупомянутый Сим произнес:

— Прошу прощения, месье Гишар, но вы забыли сказать комиссару...

— Ах да! Вы правы. Месье Сим, и он это подчеркивает, не является журналистом. Поэтому мы ничем не рискуем: он никогда не разместит в газетах материалы, которые не должны подвергаться огласке. Он обещал, хотя я его об этом и не просил, использовать все, что он здесь увидит или услышит, исключительно